

Азбука
PREMIUM

ЖАН-МАРИ ГЮСТАВ ЛЕКЛЕЗИО

Женщина ниоткуда

Санкт-Петербург

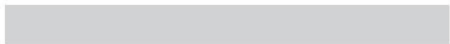
УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Л 43

Jean-Marie Gustave Le Clézio
TEMPÊTE
Deux novellas
Copyright © Editions Gallimard, Paris, 2014

Перевод с французского
Ирины Волевич, Ирины Дмоховской
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-09860-2

© И. Волевич, перевод, 2016
© И. Дмоховская, перевод, 2016
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Буря

*Посвящается хэнё —
женщинам моря с острова Удо¹*

¹ *Хэнё* (дословно «женщина моря») — в Корее профессиональная ныряльщица, зарабатывающая на жизнь добычей моллюсков и других деликатесов с морского дна. *Удо* — остров в Южной Корее с единственным в стране коралловым пляжем. (Здесь и далее примеч. перев.)

Ночь опускается на остров.

Ночь заливает мраком низины, просачивается в канавки между полями, ее темный прилив мало-помалу покрывает все вокруг. И люди спешат покинуть остров. Каждое утро туристы прибывают сюда на восьмичасовом пароме, захватывают свободные пространства, заполняют пляжи, текут, словно сточные воды, вдоль дорог и тропинок. Чтобы к вечеру, с наступлением темноты, отхлынуть, отступить, исчезнуть. Суда уносят их на материк. И приходит ночь.

Впервые я приехал на остров тридцать лет тому назад. Время все изменило здесь. Я с трудом узнаю окрестности, холмы, пляжи, очертания кратера с его раскрошившимся восточным склоном.

Почему я вернулся сюда? Мало ли на свете других краев, пригодных для писателя в поисках сюжета. Других мест, вдали от мирской суматохи, не таких шумных, не таких беспокойных, других убежищ,

где можно сесть за письменный стол лицом к стене и печатать строку за строкой на машинке... Но нет, я захотел снова увидеть этот остров, затерявшийся на краю света, этот уголок без истории, без прошлого, утес, исхлестанный океаном, истоптанный туристами.

Тридцать лет — коровий век. Я приехал сюда ради ветра, ради моря, ради полудиких лошадей, что бродят по лугам, натягивая коновязь, ради коров на темных ночных дорогах, с их скорбным мычанием, подобным звуку туманного горна¹, ради тьяканья собак, сидящих на цепи.

Тридцать лет назад на острове не было отелей, только комнаты у мола, сдававшиеся понедельно, да ресторанчики в дощатых павильонах вдоль пляжа. Мы тогда снимали деревянный домик на холме, без всяких удобств, сырой и холодный, но нам он подходил идеально. Мэри Сонг была на двенадцать лет старше меня, ее роскошные черные волосы отливали синевой, как вороново крыло, а глаза золотились, словно осенние листья; она пела блюзы в Бангкоке, в отеле для состоятельных туристов. Почему ей вздумалось уехать со мной на этот дикий островок? Ведь это не я предложил — кажется, она сама первой заговорила о нем. Или, может, она от кого-то слышала про этот дикий скалистый остров, недо-

¹ Туманный горн (или ревун) включается на судах во время густого тумана.

ступный в сезон бурь. «Мне нужна тишина». Хотя не исключено, что это была моя идея, это я возмечтал о тишине. Чтобы писать, чтобы снова начать писать после стольких потерянных лет. Безмолвие, уединение. Тишина — только ветер и море. Холодные ночи, звездные россыпи.

Теперь все это — лишь воспоминание. Память не имеет значения, не имеет продолжения. Важно одно лишь настоящее. Это я усвоил на собственном горьком опыте. Ветер — мой друг. Он неустанно дует на этот скалистый островок, налетает с горизонта, с востока, штурмует искореженный бок вулкана, спускается к холмам, шныряет в просветах перегородок из блоков лавы, разделяющих поля, скользит по песку из раскрошенных кораллов и ракушек. По ночам в моем номере гостиницы «Harry Day» (каким образом это название — словно оборванная надпись на деревянном ящике, выброшенном морем, — добралось в эти места?) ветер свистит в щелях окон и двери, хозяйничает в полупустой комнате, где ржавая железная кровать тоже напоминает обломок кораблекрушения. У моей добровольной ссылки нет других причин, кроме этого серого неба и серого моря, кроме пронзительных призывов ныряльщиц — собирательниц морских ушек¹, криков, посвиста — подобия неведомого древнего языка, языка морских животных, населявших мир задолго до появления

¹ *Морские ушки* — съедобные моллюски из отряда брюхоногих.

человека... *Ауа, йяаа, аии, аии!*.. Женщины собирали моллюсков уже в те времена, когда Мэри показывала мне остров. Но тогда здесь все выглядело иначе. Ныряльщицам было лет по двадцать, они погружались в воду без одежды, только в поясах, набитых камнями, да в масках, снятых с трупов японских солдат. Не носили ни перчаток, ни обуви. Теперь они постарели, ныряют в черных эластичных комбинезонах, в перчатках из акриловой пряжи, в тапочках из яркого пластика. В конце рабочего дня они шагают по обочине, толкая перед собой детские коляски с уловом. А некоторые едут на мотороллерах или бензиновых трехколесных скутерах. У каждой на поясе висит нож из нержавеющей стали. Свои комбинезоны они снимают среди скал, рядом с построенным для ныряльщиц блочным баракком; моются у порога под струей из шланга, а потом расходятся по домам, прихрамывая, разбитые ревматизмом. Ветер унес прочь их молодые годы, да и мои тоже. Небо серое, унылое, как напрасные сожаления. Море беспокойно хмурится, налетает на прибрежные утесы, на острые пики лавы, бурлит и пенится в больших завоях, в горловинах узких бухточек. Без этих ныряльщиц, что ежедневно добывают моллюсков, море было бы для меня враждебной, неодолимой стихией. Каждое утро я вслушиваюсь в крики женщин моря, в хриплый, надсадный звук их дыхания, когда они

выныривают из воды, — *ауиии, ийяаа*, — вспоминаю прошлое, вспоминаю Мэри, ушедшую навсегда, думаю о ее голосе, певшем блюзы, о ее молодости, о моей молодости. Война все стерла, все разрушила. В те годы война казалась мне прекрасной, я хотел написать о ней — пережить ее, а потом описать. Война казалась мне красавицей-девушкой с дивным телом, длинными черными волосами и золотистыми глазами, чарующим голосом, а обернулась старой злобной ведьмой, мстительной мегерой, безжалостной и бесчеловечной. Страшные образы преследуют меня, поднимаясь из самых потаенных глубин памяти. Изуродованные тела, оторванные головы, усеявшие грязные улицы, лужи бензина, лужи крови. Едкая горечь во рту, холодный пот. В закутке без окон, освещенном одной голой электрической лампочкой, четверо мужчин напали на женщину. Двое сидят на ее ногах, третий стянул ремнем ее заломленные над головой руки, четвертый нескончаемо долго насилует ее. Все происходит странно беззвучно, как бывает в снах. Слышно только хриплое дыхание насильника и другое, женское — прерывистое, жалобное, задавленное страхом; может быть, сперва она кричала, потому что на нижней губе виден след удара, от которого лопнула кожа и брызнувшая кровь застыла звездой на подбородке. Дыхание насильника учащается, переходит в глухой звериный рык,

низкий и мерный звук работающей машины, которая все ускоряет и ускоряет ход и, похоже, никогда уже не остановится.

Мэри появилась много позже — Мэри, которая неумеренно пила и которую поглотило море. «Я могла бы это сделать», — сказала она, когда мы плыли на катере через узкий пролив, отделявший остров от материка. Она вошла в море на закате. Прилив разглаживал волны, подступая к берегу медленными кругами винного цвета. Те, кто видел, как она заходит в воду, потом говорили, что она была спокойна, улыбалась. На ней был ее купальный костюм — голубой полукомбинезон без рукавов; она скользнула в воду между черными рифами, поплыла и плыла до тех пор, пока волны и нестерпимый блеск заходящего солнца не скрыли ее от глаз наблюдавших.

Я ничего не знал, ничего не видел, ничего не почувствовал. Просто в спальне нашего домика все ее вещи были аккуратно сложены, как будто она готовилась к отъезду. На полу валялись пустые бутылки из-под рисовой водки, разъявленные пачки из-под сигарет. В сумке кое-какие женские мелочи — расческа, щетка для волос, пинцет для бровей, зеркальце, пудра, губная помада, носовой платок, а еще ключ и немного американских и японских денег; все вы-

глядело так, словно она собиралась вернуться через пару часов. Единственный полицейский на этом острове — молодой парень с волосами ежиком, тщедушный, как подросток, — сделал опись. Но оставил все мне, посчитав, что я родственник или друг. Кроме того, мне позволили распорядиться останками — если их найдут, — кремировать или бросить обратно в море. Однако тело так и не нашли, только эти женские вещицы в доме. Наша хозяйка отобрала себе кое-что из одежды, красивые голубые туфельки, соломенную шляпу, чулки, солнечные очки и сумку. Документы я сжег во дворе. А ключ и другие мелочи бросил в море с борта катера, увозившего меня на материк. В глубине мелькнул золотистый блик, и я подумал: наверно, какая-нибудь прожорливая рыба — султанка или пагелл — заглотнула их.

Тело так и не было обнаружено. Мэри, с ее нежной смуглой кожей, с мускулистыми ногами танцовщицы и пловчихи, с длинными черными волосами... «Но почему?» — спросил полицейский. Вот и все, что он произнес. Словно я когда-нибудь мог бы найти ответ. Словно я владел ключом к разгадке.

Когда начинается буря, когда ветер упорно дует с моря, с востока, Мэри возвращается. Только не подумайте, что это галлюцинации или начало безумия (хотя тюремный врач, составлявший медицинское

заключение, пометил мою карту роковой буквой Ψ^1), напротив, все мои чувства обострены, насторожены, распахнуты навстречу тому, что приносят море и ветер. Ничего определенного — и тем не менее это можно назвать ощущением жизни, а не смерти, оно воспламеняет меня, пробуждает воспоминание о наших с Мэри любовных играх в темноте спальни, о долгих ласках снизу доверху, о дыхании и вкусе губ, о страстных поцелуях, которые вызывали у меня блаженную дрожь, о волне любви, медленно накрывавшей наши слитые воедино, живот к животу, тела... все это давно уже запретно для меня, все это я сам себе запретил, ибо мне суждена тюрьма до конца дней.

В реве бури я различаю ее голос, ощущаю ее сердце, чувствую ее дыхание. Ветер завывает в щелях широкого окна, пробирается внутрь под стоны ржавых петель, пролетает по комнате к двери, распахивает створки. В такие дни на острове все замирает. Суда больше не выходят в пролив, мотороллеры и машины останавливают свое мельтешение, день упирается в ночь, и его мрак испаряют молнии без грома. Мэри ушла в тот вечер, когда на море был полный штиль и гладкая вода блестела, как зеркало. А во время бури она возвращается, извергнутая, атом за атомом, морскими глубинами. Сперва мне в

¹ Ψ , ψ (пси, *греч.* ψ) — 23-я буква греческого алфавита. С этой буквы начинаются слова «психология, психиатрия»; она стала частью логотипа почти всех психологических организаций мира.

это не верилось. Я приходил в ужас, до боли сжимал виски, чтобы задушить, отогнать эти образы. Вспоминается мне один утопленник. Не женщина, нет — семилетний мальчик, исчезнувший однажды вечером, мы с Мэри, как и местные жители, разыскивали его почти всю ночь. Мы ходили с фонарем по берегу в поисках пропавшего ребенка. Мы не знали его имени, и Мэри кричала: «Эй, малыш!» Она была потрясена, по ее щекам катились слезы. Тогда дул такой же ветер, и вздыбленные волны выносили на сушу жуткие миазмы морской бездны. На рассвете разнеслась новость: тело мальчика найдено. Мы пробирались между прибрежными скалами, идя на протяжный стон, который принимали за голос ветра, но который был голосом матери ребенка. Она сидела на черном песке, держа на коленях сына. Мальчик был обнажен, его разделило море, оставив на нем только майку, скрученную грязным жгутом на груди. Лицо было мертвенно-белое, но мне сразу бросилось в глаза другое: рыбы и крабы уже добрались до тела, отъели кончик носа и пенис. Мэри не захотела подойти ближе, ее трясло от страха и холода, и я крепко прижал ее к себе в нашей комнате, где мы долго лежали в постели, обнявшись, но не лаская друг друга, а всего лишь обмениваясь дыханием рот в рот.

Меня неотступно преследует тот образ — тело распятой на полу женщины, которую насилуют солдаты,

и кровь из ее разбитого рта, засохшая на подбородке темно-багровой звездой. И ее глаза, устремленные на меня, стоящего в сторонке, у порога, — они смотрят сквозь меня, они видят смерть. Я никогда не рассказывал этого Мэри, и все-таки она ушла в море именно из-за той кошмарной сцены — ушла, чтобы уже не вернуться. Море смывает смерть, море все разъедает и разрушает, ничего не возвращая людям, разве что обкусанное детское тельце. Вначале я думал, что вернулся на этот остров, чтобы умереть, тоже умереть. Отыскать след Мэри, войти как-нибудь вечером в море и сгинуть.

Начинается буря, и Мэри входит в мою комнату. Это сон наяву. Меня будит запах ее тела, смешанный с дыханием морских глубин, с их едким, тягелым духом, острым, зловонным, смрадным и тягучим. Я чувствую запах водорослей в ее волосах. Чувствую нежность ее кожи, разглаженной волнами, усеянной блестками соли. Ее тело колышется в мерцании сумерек, проскальзывает в постель, и мой напрягшийся член входит в нее, вызывая содрогание, держит меня в плену ее ледяного жара, ее тело приникает к моему, губы обхватывают мой пенис, и я весь целиком в ней, и она вся целиком во мне, и так вплоть до оргазма. Мэри, умершая тридцать лет назад, так и не найденная. Мэри, вернувшаяся со дна океана, чтобы шепнуть мне на ухо давно забытые слова своим хрипловатым голосом, вернув-

шаяся, чтобы спеть мне давно забытые песни, звездные песни, которые она пела мне в баре отеля «Ориенталь», во время нашей первой встречи. Не помню, был ли это солдатский бар и точно ли она была певицей в баре. Глядя на нее, я и представить себе не мог, кто она такая, не знал, что она родилась от американского солдата-насилльника¹, что мать ее бросила, что девочку взяли на воспитание супруги-фермеры из Арканзаса, что она выросла и вернулась сюда, желая восторжествовать над своим вечным врагом, желая отомстить или же просто в силу атавизма, безжалостно возвращающего людей в ту грязь, где они появились на свет. Но я-то не был солдатом, и она сразу это поняла, оттого и выбрала меня, недотепу в военно-полевой робе, остриженного наголо, который бегал за пехотинцами во время зачисток с фотоаппаратом наготове, дабы создать хронику всех на свете войн. Помню, как мы впервые заговорили с ней после того, как она отпела свои блюзы; это было не то поздним вечером, не то ранним утром, на террасе, нависавшей над Менам-Чао-Прая². Она нагнулась, заметив что-то на полу: там лежала, судорожно держа крылышками, умирающая черная ночная бабочка, — и в вырезе красного платья я увидел ее обнаженные груди, такие нежные и соблазнительные.

¹ Вероятно, имеется в виду период Второй мировой войны.

² *Менам-Чао-Прая* — река в Таиланде, в дельте которой расположен г. Бангкок.

Она ничего не знала обо мне, а я — о ней. К тому времени я уже был помечен багровым клеймом преступления, но думал, что все обойдется. Я забыл прошлое, забыл о жалобе, поданной в суд на четверых солдат, изнасиловавших женщину в Хюэ¹. И на того, кто скрутил ремнем ее руки и ударил в лицо, чтобы заставить молчать, и на того, кто грубо насиловал ее, даже не спустив штаны, и на меня, который смотрел на все это, ничего не говоря, ничего не делая, разве что испытывая легкую эрекцию и не понимая, что смотреть и молчать означало участвовать.

Я отдал бы все на свете, чтобы не входить в этот зал, не выступать свидетелем. Я не стал оправдываться на суде. Молодая женщина сидела тут же, в первом ряду. Я бросил на нее беглый взгляд и не узнал. Сейчас она выглядела моложе, почти девочкой. Она неподвижно сидела на скамье, ее лицо было ясно видно в резком свете неоновой лампы. Маленький рот, плотно сомкнутые губы, гладкое лицо, — казалось, ее кожу натянул тугой черный пучок на затылке. Кто-то зачитывал по-английски ее показания, но она по-прежнему не двигалась. Четверо военных сидели на другой скамье, в нескольких метрах от нее, и тоже не шевелились. И не смотрели ни на кого в зале, упершись глазами в стену напротив,

¹ Хюэ — город в центральной части Вьетнама.

где сидел на возвышении судья. Они-то как раз, на мой взгляд, постарели и обрюзгли, а их лица приняли землистый оттенок, как у всех заключенных.

Я ничего не рассказывал об этом Мэри. Когда я встретился с ней в отеле «Ориенталь», она спросила меня, чем я занимался после армии. Я ответил: «Ничем... Разъезжал по свету, вот и все». Она больше не задавала вопросов, да мне и духу бы не хватило сказать ей правду: «Меня приговорили к тюремному сроку за то, что я был свидетелем преступления и не сделал ничего, чтобы ему помешать».

Мне хотелось жить с Мэри, путешествовать вместе с ней, слушать, как она поет, владеть ее телом и разделять ее жизнь. Но скажи я ей правду, она бы меня прогнала. Я прожил с ней целый год до приезда на этот остров. И в один прекрасный день она решила войти в море. Я так ничего и не понял. Мы жили на отшибе. Нас никто не знал, и никто не мог ей рассказать. Может, она просто-напросто повредилаась в уме, другого объяснения ее поступку я не нахожу. Она дала волнам унести себя в бездну. А ведь она великолепно плавала. В Соединенных Штатах, когда ей было шестнадцать лет, ее отобрали для участия в Олимпийских играх в Мельбурне. Ее звали Фаррелл, Мэри Сонг Фаррелл. Сонг — потому что под этим именем ее отдали приемным родителям. Может быть, так звали ее родную мать — Сонг. Или потому,

что она пела¹, не знаю. А может, я сам задним числом сочинил всю эту историю.

Я сочиняю не для других — они меня не интересуют. Я не из тех, кто обожает рассказывать свою жизнь собутыльникам в барах. И я не знаком с теми людьми из Арканзаса, с Фарреллами. С фермерами. У них Мэри научилась ухаживать за скотом, чинить мотоцикл, водить трактор. А потом, в один прекрасный день, когда ей стукнуло восемнадцать, сбежала, чтобы жить в других местах, чтобы петь. Это было ее настоящее призвание. И у нее началась совсем другая жизнь, она больше так и не вернулась на ферму. Когда она сгинула в море, я попытался разыскать ее приемных родителей, написал письмо в администрацию округа², чтобы узнать их адрес. Но так и не получил ответа.

Я познакомился с Мэри, когда ей было около сорока лет, но выглядела она много моложе. А мне было двадцать восемь. И я только что вышел из тюрьмы.

Буря наделяет меня своей яростью. Мне нужны ее птичьи вскрики, ее шумное могучее дыхание. Именно ради бури я и вернулся на этот остров. Стоит ей разразиться, как все замирает: люди укры-

¹ Сонг или сон (*англ.* Song) — песня, зонг.

² Большинство штатов США делятся на округа. Всего в США более 3000 округов.

ваются в домах, захлопывают ставни и баррикадируют двери, сидят, скорчившись в своих скорлупках, в своих панцирях. Исчезают и туристы с их белесыми лицами, пляжными позами и прочими кривляньями. Девушки в мини-шортах на велосипедах, парни на квадроциклах, в очках «Polaroid», с рюкзаками и фотоаппаратами, все они вернулись в город, в свои *кондоминиумы*, в свои страны, где никогда не бывает бурь.

А островитяне — те «уходят в подполье». Они играют в карты или пьют пиво, сидя на полу, в четырех стенах, при запотевших окнах. Лампочки нервно мигают — похоже, электричество вот-вот вырубится совсем. И тогда магазинные холодильники начнут испускать желтую, как моча, воду; засоленная рыба разморозится, и у нее вытекут глаза; плитки шоколада-гляссе растают в своих обертках. А я вернулся сюда именно ради бури. Тут я снова чувствую себя как на войне, где царил его величество Случай, где я наблюдал паническое отступление войск, слушал неразборчивые приказы, изрыгаемые громкоговорителями. Я иду вспать по времени, переписываю начисто свою жизнь. Мне хотелось бы вновь очутиться на пороге дома в Хьюэ и посмотреть на происходящее — так, чтобы мой взгляд остановил время, вызвал смятение, спас женщину от ее палачей. Но нет, прошлое уже не вытравишь из памяти. Остров выносит свой приговор: искупление невозможно.

ЖАН-МАРИ ГЮСТАВ ЛЕКЛЕЗИО

Как невозможно хоть что-нибудь изменить. Остров — последняя пристань, последняя остановка на пороге небытия. Вот почему я сюда и вернулся. Не для того, чтобы встретиться с прошлым, не для того, чтобы по-собачьи разнюхивать след. Но для того, чтобы окончательно убедиться, что я никогда ничего не узнаю. И чтобы буря стерла все дотла, ибо море — единственная непреложная истина.

Мое имя — Джун. Моя мать — женщина моря. Отца у меня нет. Мать зовут Джулией, у нее есть и другое имя, не христианское, но она не хочет, чтобы я его называла. Когда я родилась, мой отец давно уже бросил мать. Она подыскивала для меня имя; ее дед звали Чжун, это китайское имя, так как он был родом из Китая, и вот она назвала меня Джун, тем более что по-американски это означает «июнь», а я была зачата именно в этом месяце. Я рослая, и кожа у меня смуглая; семья моей матери прокляла меня за то, что я незаконнорожденная. Тогда мать увезла меня с собой, и мы с ней поселились на этом острове. Когда я сюда приехала, мне было четыре года, и у меня стерлось из памяти это путешествие и все, что было до него; помню только, что мы сели на пароход, шел дождь и у меня за спиной был очень тяжелый рюкзак, в который мать спрятала все свои украшения и другие ценные вещи, чтобы сохранить их в целости, — она думала, что вряд ли кто-нибудь

польстится на рюкзак четырехлетней девочки. Позже она продала бóльшую часть драгоценностей, от них остались только пара золотых сережек и ожерелье, то ли золотое, то ли просто позолоченное. Я помню, что над морем шел дождь. И кажется, я плакала. А может, мое лицо просто было мокрым из-за дождя, так что волосы прилипали к губам. Впоследствии я еще долго верила, что, когда идет дождь, это плачет небо. Но я теперь больше никогда не плачу.

Моя мать не настоящая женщина моря; я хочу сказать, не как здешние хэнё — ныряльщицы, которые занимаются этим ремеслом с детства и похожи на грузных черных китов, особенно когда они выходят из воды, пошатываясь и еле переставляя старые тощие ноги. А моя мать еще молодая, тоненькая и очень красивая, у нее прекрасные гладкие волосы и лицо почти без морщин, вот только руки из-за сбора моллюсков теперь красные, с обломанными ногтями. Моя мать нездешняя. Она родилась в столице и была студенткой, когда забеременела мной. Мой отец бросил ее и уехал неведомо куда, потому что не хотел ребенка, и моя мать решила скрыть свою беременность; не желая позорить семью, она перебралась в провинцию, в сельскую местность. Чем только она ни занималась, чтобы заработать на жизнь, — была подсобницей на утиной ферме, мыла посуду и туалеты в ресторанах. Потом, когда я была еще грудной, перебиралась вместе со мной из го-

рода в город и вот однажды, где-то на юге, услышала об этом острове, села на пароход и приехала сюда. Сперва она работала в ресторанах, потом купила себе маску и комбинезон для ныряния и начала собирать морские ушки.

Большинство женщин моря — старухи. Беседуя с ними, я зову их «бабулями». Когда моя мать приехала сюда, женщины сначала говорили ей: «Что ты будешь здесь делать? Возвращайся к себе в город!» Но она держалась стойко, и в конце концов они ее признали. Научили, как нужно нырять, как задерживать дыхание, как отыскивать места, где обитают моллюски. Но главное, они приняли мою мать, не задавая никаких вопросов о ее муже и обо мне. Они стали моей семьей — семьей, которой у меня никогда не было. Как только я подросла и стала гулять одна, я первым делом шла к ним. Приносила им немного горячего супа, когда они выходили из моря, или фрукты. Мы с мамой живем в домике на холмах, снимаем его у одной старушки, бывшей ныряльщицы, я зову ее «тетушкой». Она вся почернела и скорчилась от работы в море и теперь, после одного несчастного случая, совсем не может нырять — слишком долго пробыла под водой и стала какая-то заторможенная. С тех пор она проводит дни на своем поле, где выращивает батат¹, — вскапывает зем-

¹ *Батат* — сладкий картофель, ценная пищевая и кормовая культура.

лю, выпалывает сорняки, и я хожу помогать ей после школы. У нее есть пес по кличке Чабби¹, потому что он толстый и коротконогий, правда довольно умный. Вот уже год, как с мамой живет один тип. Он назвался Брауном, якобы он англичанин, но я его терпеть не могу. С матерью он говорит ласково, прямо сюсюкает, но наедине со мной у него совсем другой тон, злобный, грубый, приказной, и в голосе проскальзывает странный акцент. Однажды он меня совсем достал, и я сказала, передразнивая этот его акцент: «Не смей так со мной разговаривать, я тебе не дочь!» Он зыркнул на меня так яростно, прямо вот-вот ударит, но все же с тех пор поутих. Мне очень не нравится, как он меня разглядывает — будто раздевает глазами. Перед мамой он изображает нежно любящего, и тогда я ненавижу его еще сильнее.

В школе у меня нет друзей. Вначале мне было там хорошо, но с этого года все изменилось. Несколько девчонок сбились в шайку и нашли себе забаву — принялись издеваться надо мной. Я много раз вступала с ними в драку и побеждала, поскольку я самая рослая в классе, но иногда они подстерегают меня у школы после уроков и швыряют в меня комья земли или камешки, а вдобавок лают, как собаки. Они говорят, что у меня нет папы, что мой отец нищий, что он сидит в тюрьме и поэтому никогда не приез-

¹ *Chubby* — толстощекий (англ.).

жает ко мне. Однажды я им ответила: «Мой отец не в тюрьме, он погиб на войне». Но они на это только загоготали и крикнули: «Ну-ка, докажи!» — вот так и сказали, а мне и крыть было нечем. Тогда я спросила у матери: «Мой отец — он жив или умер?» Но она смолчала, отвернулась и сделала вид, будто не слышит. Я поразмыслила и пришла к выводу, что девчонки, наверно, правы: моя мать учила меня говорить по-английски с самого детства и все твердила, что это залог моего будущего, но, может, еще и для того, чтобы я знала родной язык отца.

Из всех школьников самый злобный — один мальчишка, его зовут Джо. Он высокий и тощий, старше меня на класс и жутко испорченный. Говорит мне, что я чернокожая. Говорит, что мой отец — чернокожий солдат-американец с военной базы, а мать — шлюха. Твердит это все время, когда я иду по дороге одна и никто из взрослых не может его услышать. Бежит за мной следом и, поравнявшись, бросает вполголоса: «Твоя мать шлюха, а отец — черномазый». Он знает, что я никому это не перескажу, слишком уж будет стыдно. У этого Джо хитрые бегающие глазки, как у бродячего пса, желтые, с такими резкими черными зрачками, и длинный кривой нос. Когда он застает меня одну на дороге, то всегда налетает сзади. Хватает за волосы — а у меня пышные вьющиеся волосы, — вцепляется в них мертвой хваткой и дергает вниз, чуть ли не тыча

лицом в землю; я готова заплакать, но сдерживаю слезы, чтобы не доставлять ему такой радости. Ему хочется, чтобы я позвала на помощь маму: «Ну, давай, зови свою мамашу, зови ее!» Но я молчу, отбиваюсь от него пинками, и в конце концов он оставляет меня в покое.

Море... вот что я люблю больше всего на свете. С самого раннего детства я пропадала на море. Когда мы еще только приехали на этот остров, мать устроилась подсобницей в рыбный ресторан. Она приходила туда рано утром и сажала меня в колясочке где-нибудь в уголке, чтобы я никому не мешала. Мама оттирала щеткой цементный пол, чистила баки и котлы, подметала двор и сжигала мусор, а потом работала на кухне — резала лук, мыла ракушки, готовила овощи для супа, разделывала рыбу для суши. А я так и сидела в своей коляске молча, наблюдая за ней. Похоже, тогда я была очень смирным ребенком. Мне не хотелось играть на улице. Хозяйка удивлялась: «Да что с ней, с этой малышкой? Похоже, она всего боится!» Но нет, ничего я не боялась, просто сидела на месте, чтобы защитить свою мать, быть уверенной, что с ней ничего не случится. Ну а потом маме надоело быть прислугой у этих людей. Она договорилась со старухами-ныряльщиками, которые поставляли в ресторан моллюсков, и тоже стала женщиной моря.

Содержание

БУРЯ. Перевод И. Волевич	5
ЖЕНЩИНА НИОТКУДА	
Перевод И. Дмоховской	151

Леклезьо Ж.-М. Г.

Л 43 Женщина ниоткуда : повести / Жан-Мари Гюстав Леклезьо ; пер. с фр. И. Волевич, И. Дмоховской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 256 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-09860-2

Жан-Мари Гюстав Леклезьо, один из крупнейших ныне живущих французских писателей, в 2008 году стал лауреатом Нобелевской премии по литературе. Он автор тридцати книг — это романы, повести, эссе, статьи.

Впервые на русском языке публикуются две повести Леклезьо — «Буря» и «Женщина ниоткуда». Действие первой происходит на острове, затерянном в Японском море, другой — в Кот-д'Ивуаре и парижском предместье. Героини — девочки-подростки, которые отчаянно стремятся обрести свое место в неприветливом, враждебном мире. Леклезьо — вероятно, наименее парижский писатель, подолгу живший в странах Южной Америки, в Африке, Юго-Восточной Азии, Японии и на своем родном острове Маврикий, вновь пишет о том, как человек, выросший на лоне первозданной природы, ощущает себя в гнетущем пространстве современной цивилизации.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЖАН-МАРИ ГЮСТАВ ЛЕКЛЕЗИО ЖЕНЩИНА НИОТКУДА

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ольги Антиповой
Корректоры Елена Терскова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.01.2016. Формат издания 70 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 10,32. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors

YLAP1788801R